

По пути Тан Шаотан больше не проронил ни слова, его взгляд то и дело возвращался к собственному запястью.

Он был погружён в раздумья.

Вскоре, возможно, устав от молчаливой ходьбы, А Цзю первым нарушил тишину.

— Это Дом Жуань. Ты ведь видел ту огромную табличку с иероглифом «Жуань» над воротами?

Тан Шаотан кивнул:

— Видел.

Его зрение было в разы острее обычного. Да и А Цзю тогда мельком глянул на табличку — он тоже не мог не заметить.

А Цзю, не оборачиваясь, продолжил:

— Ты же спрашивал, почему я ношу фамилию Жуань. Теперь мы в Доме Жуань — почему не спрашиваешь снова? Неужели тебе не интересно?

— Ты не хочешь отвечать, — просто сказал Тан Шаотан.

Тот не только избегал прямого ответа, но и проверял его, предложив «помочь истребить весь род Фань».

— Не хочешь — и не спрашиваешь?

Тан Шаотан промолчал.

А Цзю повернул голову:

— Боишься, что я навру?

Тан Шаотан снова промолчал.

А Цзю криво усмехнулся:

— Передумал. Теперь хочу рассказать.

Тан Шаотан безмолвно наблюдал, как тот вертится, как его красивый, но переменчивый затылок мелькает перед глазами, и даже когда прядь волос хлестнула по лицу — не дрогнул. Он просто терпеливо ждал.

На этот раз А Цзю не стал тянуть:

— Расскажу тебе одну историю.

Историю — но на деле это было воспоминание о прошлом.

* * *

В уезде Ланьпин жил род Жуань. Семья учёных, поколениями воспитывавшая кабинетных книжников — тех, кто, не зная, как растёт рис, был полон учёности и помыслов о благе Поднебесной. Карьера им не далась, дорога в чиновничьи палаты закрылась, и они, опираясь

на оставленные предками владения, открыли в тех краях школу, обучая всех без разбора. Жили мирно и благополучно.

Из поколения в поколение в этом семействе не рождалось ни одного умелого хозяина, зато читали до того, что поглупели: всей душой рвались к спокойным временам, когда на земле царит порядок, не могли видеть народных страданий, терпеть несправедливость. Поэтому они из года в год подавали петиции, взывая за обиженных, и раздавали деньги, помогая соседям. Не будь у предков солидного состояния — давно бы промотали. Много лет, словно муравьи, пытались сдвинуть дерево, за что и снискали в народе добрую славу, и нажили немало врагов.

Кое-кто положил глаз на семью Жуань.

А точнее — на неиссякаемые богатства, что стояли за ней.

А Цзю оглянулся, мельком взглянув на выражение лица Тан Шаотана, и продолжил:

— В те времена ходили слухи: перед падением династии Бэйюань две знатные госпожи под охраной отборных телохранителей бежали через потайной ход. Они унесли с собой несметные сокровища — на случай будущего восстановления страны. По пути бегства им помог один старый сановник прежней династии, укrywший их от погони. В благодарность одна из госпож оставила тому сановнику несчётные тысячи лян золота на хранение, позволив использовать часть на личные нужды.

Тан Шаотан промолчал.

Знатные госпожи павшей Бэйюань?

С самого основания Павильон Радужных Одежд был окутан слухами о мести знатной госпожи.

Правда этих слухов ныне уже не установить.

Однако...

Сначала три года назад наниматель по фамилии Жуань связался с Павильоном Радужных Одежд, желая убить двух сыновей рода Фань, потом в родовом храме обнаружили хитроумные механизмы.

Множество совпадений, собранных вместе, превращаются в закономерность.

Проход постепенно расширялся. А Цзю вёл Тан Шаотана через один за другим просторные пустые пещеры, не умолкая.

Говорили, что тот старый сановник впоследствии, желая отплатить за милость государя, отдал жизнь, погибнув за прежнюю династию. Новый правитель, восхищённый его преданностью и высоким авторитетом, хоть и досадовал, что тот не пожелал служить ему, почтил его благородство и даровал прощение потомкам. Более того — великодушно оставил им родовую усадьбу и официальный титул.

Старик в соломенном плаще в своих «Записях ста поколений», опираясь на соответствующие официальные документы, изучил родословные крупных кланов и, следуя за ниточками, по крупницам восстановил ход событий. В конце концов он пришёл к выводу, что тем старым сановником был предок рода Жуань.

Как только весть просочилась, в реках и озёрах[1] поднялись толки. Люди наперебой строили догадки: поколениям Жуаней их достаток обеспечивало именно то золото, оставшееся от прежней династии.

Множество мелких негодяев воспряло духом, зашевелилось.

К счастью, род Жуань много лет стоял в уезде Ланьпин. Особенно к поколению Жуань Чэнцзи они, помимо книжной учёности, добавили ещё и рыцарского духа скитальца-уся. Помимо преподавания в школе, он завёл знакомства среди разного сброда с рек и озёр, и даже жена его была вольной женщиной из мира цзянху, ценившей долг и мщение. Имея опору и в гражданском, и в военном, они уже не были мягкой грушей, которую можно мять как вздумается.

Увы, Жуань Чэнцзи встретил одного человека.

По фамилии Фань — Фань Цзэчэн.

Фань Цзэчэн был неудачливым бродягой из мира цзянху. Жуань Чэнцзи оказал ему помощь, и тот, ссылаясь на благодарность, стал стражем в доме Жуаней.

Фань Цзэчэн был человеком, тонко разбиравшимся в людских сердцах, но притворявшимся благородным. На людях он был красноречив, за спиной — искусен в интригах. Вскоре он уже братался с Жуань Чэнцзи. Тот же считал его ближайшим другом, открывал душу, и в один из вечеров за вином легко проговорился о тайне сокровищ.

Он полагал, что его добрый друг сохранит секрет, не ведая, что у того дурные помыслы и давние связи с Павильоном Ушоу, для которого он совершил немало гнусных дел, лишённых всякой совести. Когда же этот «брат Фань» из его же уст получил подтверждение существования золота, в его сердце зародился коварный замысел, и с тех пор он только и думал, как бы завладеть богатством.

Но Фань Цзэчэн опасался: род Жуань занимался преподаванием, и друзья их были по всей Поднебесной. Хотя они не принадлежали ни к чиновничьим кругам, ни к миру цзянху, связи с обоими мирами простирались повсюду.

А Цзю остановился, обернулся и, проведя рукой по горлу, сказал:

— С одной стороны, разобраться с ними легко — все они слабые книжники, не способные и курицу зарезать, хватать разок — и дело с концом. С другой — те, кто связан с родом Жуань, ни за что не простят убийц. Как думаешь, что придумал Фань Цзэчэн?

Тан Шаотан покачал головой.

Он не понимал сложных человеческих отношений, коварства сердец.

Все столкновения в его жизни решались беспощадной сталью, жизнью и смертью, — когда же ему было сталкиваться с интригами и кознями?

К счастью, А Цзю и не ожидал, что Тан Шаотан сможет угадать замысел Фань Цзэчэна, и продолжил сам:

— Фань Цзэчэн придумал способ «убить чужим ножом»: столкнуть Жуань Чэнцзи с Павильоном Ушоу, чтобы обе стороны истекали кровью, а самому собрать выгоду.

— Он использовал сына Жуань Чэнцзи? — спросил Тан Шаотан.

Он хорошо помнил причину, по которой Жуань Чэнцзи нанял Павильон Радужных Одежд убить двух сыновей рода Фань — гибель любимого сына.

— Верно, — кивнул А Цзю. — Чтобы заставить Жуань Чэнцзи, не считаясь с последствиями, вступить в прямой конфликт с Павильоном Ушоу, он похитил единственную кровную отпрыску рода, родного сына Жуань Чэнцзи, и сказал ему, что сына схватили в Павильоне Ушоу для выращивания ядов и тот находится при смерти.

Фань Цзэчэн и вправду передал сына Жуань Чэнцзи в Павильон Ушоу, получив от них выгоду и свергнув род Жуань в пучину страданий.

А Цзю мрачно продолжил:

— В отчаянии Жуань Чэнцзи, не успев как следует подготовиться, открыто стал нанимать умелых людей, чтобы ворваться в Павильон Ушоу и требовать выдачи сына. В битве на горе Ушоу участвовала и его жена, павшая от руки Чёрной метки Павильона Ушоу — тело её разорвалось, не осталось и праха. В конце концов, как ты и видишь, род Жуань растратил все связи и богатства, но не смог вернуть любимого сына. Всё, чего они добились, — полного разорения, сам же он остался в одиночестве, опустившимся и обнищавшим.

Даже когда позднее выяснилось, что зачинщиком был Фань Цзэчэн, из-за вознёсшегося тогда могущества рода Фань у него не осталось сил, чтобы свершить возмездие.

Он мог лишь, укрывшись за множеством хитроумных механизмов, в одиночестве прятаться здесь, под землёй.

Тан Шаотан вспомнил пройденные пустые пещеры — хоть и без следов использования, они всё же были надёжным укрытием — и спросил:

— Тот, кто привёл в действие механизмы, — Жуань Чэнцзи?

А Цзю кивнул:

— Угу. Место, куда мы свалились, — ловушка, но эта ловушка, должно быть, соединена с тоннелем. Выход...

Не успел он договорить «прямо перед нами», как путь преградил огромный камень. А Цзю тут же онемел.

Жуань Чэнцзи всё же не был глупцом. Вероятно, он заранее обнаружил эту лазейку и заранее придвинул камень, чтобы завалить проход.

Недаром в пройденных пещерах не было следов использования — оказывается, их уже разделили камнями, заблокировав с этой стороны и перенеся выход в другую.

Что ж, камень весит, наверное, не одну сотню цзиней[2]. Похоже, этот путь закрыт, придётся искать другой.

Тан Шаотан договорил за А Цзю:

— Выхода нет?

А Цзю, не желая признавать поражение, с деланным спокойствием поправился:

— Выход — в другом месте.

[1] «Реки и озёра» (цзянху) — устойчивое выражение, обозначающее мир вольных странствующих бойцов, вне официальных законов.

[2] Цзинь — мера веса, примерно 0,5 кг.

<http://bllate.org/book/16258/1462771>